

После победы над Кагуйей и смерти Мадары, мы вернулись назад с триумфом, только вот это слово осело горечью в сердце. Да, мы победили, но какой ценой? Много хороших людей погибло, многие остались калеками. Я сам оставил на поле боя многих друзей. Я когда-то пообещал Нагато, что выдержу всю ненависть Мира, но сейчас я вижу, как был наивен. Нет, я не стал ненавидеть все вокруг, но тяжесть своего решения я начал понимать только сейчас, увидев, во что превратились когда-то цветущие страны. Слишком дорого далась нам победа, слишком высока цена, что мы заплатили.

Какаши-сенсей, Сакуру, меня и Саске чествовали, как героев. Нами восхищались. На нас равнялись. А мы... мы старались вновь научиться просто жить. Я не скажу, что Саске сразу же по возвращении простили, но и разбрасываться таким сильным шиноби никто не стал. Его оставили под мою ответственность, точнее, мою и Какаши-сенсея. И если я был поселен с ним в один дом, а вернее, в дом моих родителей, чудом уцелевший в устроенном Пейном в Конохе погроме, то сенсею пришлось хуже. Какаши возвратили на службу АНБУ, а нас с Саске сделали его подопечными. Мы не сопротивлялись, решив, что так будет лучше. Слишком большим было потрясение от оставленного почему-то мне подарочка Кагуи. А эта старая карга постаралась на славу! Да и заметили мы его уже после того, как он активировался. Но, пожалуй, все по порядку.

После войны мы все были очень заняты, особенно в первую неделю, а потом стало легче, большинство раненых или оправились, или погибли, и нам уже не требовалось с боем вырывать чужую жизнь из лап шинигами. В первые часы нам не хватало всего: иренинов, перевязочных материалов, медикаментов, носильщиков, палаток... я могу продолжать список бесконечно. Мои внезапно проснувшиеся способности исцелять были как нельзя кстати. Я, внаглую пользуясь силой, что, ворча, отдавал мне Курама, исцелял всех, кого мог. Нет, свою чакру я тоже использовал, но ее было гораздо меньше, чем давал мне мой друг.

Вначале все шло хорошо, я исцелял, не жалея себя. Только Саске мог меня найти и выловить в толпе моих клонов, что занимались тем же, а после связать и отправить есть и отдыхать. Я был зол на него и в то же время благодарен. Особенно когда отложенный подарок Кагуи активировался... на десятый день.

Я смутно помню, что произошло. Вот я лечу очередного шиноби, вот подходит Саске и приказным тоном говорит идти отдыхать, одним взглядом замораживая на языке возражения, вот мы идем вместе в палатку, где обедаем с друзьями, а следующее воспоминание — то, как я очнулся в какой-то мелкой деревушке, из которой до войны были эвакуированы люди. Между этими двумя промежутками темнота и жуткая всепоглощающая боль. Вначале я не понял, что произошло, но что-то определенно поменялось. Я с удивлением осматривал... себя. А себя ли? Тонкие пальцы с аккуратными ноготочками, длинные золотые волосы, грудь где-то третьего размера и самое страшное для мужчины... полное отсутствие признаков, по которым можно было бы сказать, что я еще мужчина. Мозг пребывал в ступоре, пока я потрясенно ощупывал себя, а после я потерял сознание, хотя, вернее, Курама выдернул меня в подсознание, прерывая начинающую зарождаться истерику.

Выдернув меня в подсознание и надавав подзатыльников, он таким своеобразным способом смог вернуть мне самообладание. Хотя я еще где-то около часа после пояснений Курамы сидел в ступоре. По его словам выходило, что Кагуя завязала превращение моего тела на использование целебной чакры. Т.е. не используй я ее в таких количествах, ничего бы не было, но я не знал. Да даже если бы знал, то поступил так же. Если это цена за спасенные жизни, то я готов заплатить. Теперь я девушка. Причем если бы не вмешательство Рикудо и Саске, то неизвестно, что бы произошло. Они совместными усилиями смогли сделать невозможное, параллельно прошедшим изменениям моего тела, при поддержке хвостатых, частичка сил которых теперь всегда будет со мной, провели изменение моего восприятия. По словам Курамы, они провели полную перестройку мировосприятия. Т.е я знаю, что был парнем, но спокойно воспринимаю себя как девушку, и ощущения у меня такие, как будто всегда был ею. Я благодарен им за это.

Стоило вернуться в реальность, как в комнату вошел Саске. Выглядел он неважно. Бледная от рождения кожа стала еще блее, щеки ввалились, и на этом фоне черные глаза казались провалами в бездну. От него я узнал...а, что прошло уже десять дней с момента моей потери сознания и что мне повезло, что там были Сакура и Цунаде-ба-чан. Они помогли пережить первые, самые тяжелые часы трансформации. Они же и не позволили просочиться известию о моей смене пола. Мое счастье, что в тот момент там было мало народу: Какаши, Шизуне, Гаара, Би, Саске, Цунаде и Сакура. Они в курсе, а остальным сказать или нет — решать мне. Впрочем, скрыть изменения во внешности будет немного проблемно, поэтому Саске с Курамой в один голос убеждали меня сделать это как можно раньше. Удивительное единодушие. Мне пришлось согласиться, но сделать это сейчас я все равно не мог...ла: мне было нужно восстановиться.

В результате в деревню мы прибыли где-то на вторую неделю после того, как я очнулась. Быстро отчитавшись Цунаде-ба-чан и получив радостное известие, что Саске прощен, и не очень радостное — теперь мы живем под одной крышей, я не знала, как реагировать. За те две недели, которые я провела в обществе Саске и изредка заглядывающего Какаши-сенсея, я

поняла, какой же он зануда, но в то же время прикипела. За мной никто никогда не ухаживал и не заботился, а он все то время, что провел рядом, заботился обо мне. Это проявлялось в мелочах, таких, как завтрак на столе утром или накинутый на плечи плед, когда я засыпала в гостиной. За все это время мы даже толком не ругались. И я не хотела это терять, отчаянно боялась вновь остаться одна. Поэтому я была даже рада такому решению Хокаге и легко дала согласие на совместное проживание с тем, впрочем, как и он.

В тот же день все наши, кто остался жив, узнали, что я вернул...ась, и прибыли на новоселье. Я помню их шок и неверие, что подобное могло произойти. К моей радости, жалость и презрение, которые так боялась увидеть, я не заметила в их глазах. Сочувствие было, но не жалость, не презрение, и это хорошо. Да, у меня отличные друзья, хотя война и оставила на всех свой отпечаток. Больше нет тех детей, что кричали, что превзойдут друг друга. В тот день мы просто сидели и говорили ни о чем, пили саке, вспоминали павших, обещали сделать все, чтобы не подвести их, оправдать их надежды. Уже за полночь мы разошлись, на удивление, трезвые, хотя выпили немало.

Следующие месяцы смазались в одно серое пятно, ведь нас с Саске повысили до АНБУшников. Мы тренировались и выполняли миссии, разгребали ту кучу проблем, что навалилась на нас после войны. Так прошел год или даже полтора. Мы помогли восстановить, что можно, и построить новое там, где восстанавливать было нечего. Наступило затишье. За это время мы с Саске сблизились еще сильнее. Этому способствовало и совместное проживание, и нахождение в одном отряде. Мы вновь стали слаженной боевой двойкой и не только. Момент, когда мы стали парой, я не заметила, просто это стало естественно — засыпать и просыпаться вместе, просто быть рядом. Я не помню, кто пришел первым, да и не нужно мне это было. Мы не говорили о любви, нам были не нужны слова. Два ребенка, оказавшиеся в одиночестве и множество раз предаваемые, нашли утешение в объятиях друг друга. Мы стали семьей, найдя в другом то, чего нам так не хватало. Наш дом наполнился теплом и уютом. Я наконец узнала, что значит семья и как это, когда тебя ждут и волнуются. Это было безумно приятно — знать, что есть тот, кому ты небезразлична, тот, кому ты по-настоящему дорога. Я возвращалась домой и знала, что там меня ждут. Я уверена, у Саске были такие же мысли. Двое сирот, рано потерявшие семью и обретшие ее в друг друга.

Друзья радовались за меня, за нас, даже Сакура искренне поздравила меня, но были и те, кого не устраивала такая семья, как наша. Появились те, кто задумался, а кто родится у двух настолько разных и в то же время одинаковых ребят? Они и по одиночке сильны, а что если их дети унаследуют весь талант родителей? Эти глупцы решили устранить несуществующую угрозу, даже не подозревая, что таким образом идут на поводу Кагуи. Моим проклятием была смена пола, а Саске она оставила подарочек хуже: он стал ключом. Его насильственная смерть обернется гибелью мира, хотя, если бы он захотел, он бы смог это предотвратить. Да только не захотел, и я понимаю его и не виню. Риннеган — слишком опасная игрушка. А если к ней добавить его возросшие возможности и сильно увеличившийся запас чакры? А если лишить

человека последнего дорогого существа? Как вы думаете, будет ли он бороться? Останутся ли в нем хоть капли человеческого, что много лет спало и только проснулось? Ответ очевиден.

Хотя вначале все начиналось довольно мирно. Очередное задание не лучше и не хуже других. Нам с Саске нужно было проверить последнее место битвы с Кагуей, там возникли какие-то аномалии, и, как сильнейших шиноби, нас отправили туда. Я не виню ба-чан, ее тоже надули, но сделанного не вернуть. Мы отправились сразу после получения задания и в кратчайшие сроки добрались до места происшествия. Переговорив с ребятами из оцепления, расположенного на порядочном удалении от нужного нам места, и получив данные по последним наблюдениям, мы отправились в самый центр. Зря... очень зря. Там и правда были аномалии, только вот вызваны они были искусственно и активировались сразу, как мы вошли в зону действия. Последнее, что я помню в тот день, это отчаянный крик «Наруто!» и горящие безумием алые глаза своего любимого... Да, любимого, жаль, что я поняла это только сейчас. Дальше была темнота, хотя, к своему удивлению, я не перестала чувствовать Саске и Кураму рядом, но сил удивляться уже не было, а после я очнулась.

Продолжение следует...

<http://tl.rulate.ru/book/55401/1410572>